

Г. К. ПОПОВ

Стремящимся в Россию

<Фрагмент>

Троцкий — «советский генералиссимус»

Объявлен парад Красной армии. Солнце радостно глядит с лазурного безоблачного неба, хотя за день до того и день спустя лил непрерывный дождь. Легкий морозец подсушил все улицы. Москва производит впечатление начисто вымытой и убранной. Езда по улицам прекращена. Толпы куда-то стремящейся принарядившейся публики. Все пути, ведущие к Кремлю и Красной площади, загорожены. Все здания приделались в красный цвет, по «праздничному». Обращает на себя внимание строго выдержанный реалистический стиль украшений и надписей. С футуризмом, характерным для первых лет революции, — покончено.

Большая часть досок и надписей на памятниках и на общественных зданиях — теперь из бронзы, чугуна или меди вместо прежних временных холщовых плакатов. Все выглядят как-то особенно солидно и несокрушимо, точно хотят сказать: мы здесь и здесь останемся навски. На цоколе статуи Свободы, на площади пред московским советским зданием, бывшим градоначальством, три медные доски, с выгравированной конституцией Р. С. Ф. С. Р.

И на Красной площади возникли новые, прочные сооружения. Было время, когда *Ленин и Троцкий* произносили здесь свои речи с насоро сколоченной из досок эстрады, задрапированной красным сукном. Ныне вместо нее возведена трибуна из гранита. Вокруг этого каменного массива выстроился ряддеревянных трибун — для приглашенных членов III-го Интернационала, коммунистов, дипломатов, журналистов и т. п. Рядом шатер с красным штандартом, с часовым при входе — полевая квартира Троцкого.

Приезд Троцкого ожидается к 11-ти часам, но уже в десять часов все трибуны переполнены. Московские войска построились уже в восемь утра. Среди приглашенных идут споры о числе расположившихся на площади и по соседним улицам воинских частей. Я думаю, что в этот день перед Троцким продефилировало не менее 200000 красноармейцев. Любуются поразительно точным порядком в расстановке полков. Ординарцы скачут взад и вперед. Все — в полной форме. Дисциплина удивительно повысилась в сравнении с тем, что было два, полтора, даже полгода тому назад.

Калейдоскоп мундиров. Все в большевистских остроконечных *шишаках*. На груди и на рукавах советская звезда. Войска выстроились в длинные шеренги лицом к достопочетным кремлевским стенам. Настоящее и прошлое! В конце Красной площади, перебивая сотней колеров, — церковь Василия Блаженного. У подножия этой церкви ради сегодняшнего празднества расположился огромный червовидный *цеппелин*, украшенный тоже советской звездой. Он подымается потом вверх и парит над плац-парадом.

Сотни людей взобрались на лобное место... Своеобразная картина. Здания и памятники вокруг, свидетели седой старины, говорят об эпохе московских самодержавцев. И на этом пестром, причудливом, театральном фоне, в качестве живых исполнителей современной драмы, тысячи, сотни тысяч красноармейцев, матросов, рабочих и коммунистических делегатов...

Все в движении. Все говорят, жестикулируют, кричат и возбужденно снуют туда и сюда. Вдруг — все замолкало. И только слышен шепот, перекатившийся по рядам солдат и зрителей: «Троцкий вышел из Кремля».

Как только вступил Троцкий на Красную площадь, все мгновенно насторожились. «Троцкий, Троцкий...» В серой шинели, окруженный свитой красных командиров и комиссаров, он идет к трибуне. На лице выражение твердой решимости. Движения определены и отчетливы. Некоторый полет театральности.

Троцкий обходит фронт и Красная площадь дрожит от восторженных «ура». Заграницей относятся с недоверием, когда говорят о любви войск к Троцкому. Тем не менее это факт. Не решусь сказать, любят ли Троцкого, находящегося ныне «в опале», как *коммунистического* вождя или просто как вождя... Но личность его несомненно окружена известным ореолом... Те, кто им не восторгаются, те относятся к нему со смешанным чувством удивления

и страха. Во всяком случае Троцкий личность из ряда вон выходящая, — это признают даже «буржуи» и, конечно, не подлежит сомнению.

После того как Ленин окончательно удалился от дел, Троцкий некоторое время являлся, собственно говоря, настоящим правителем России. Если даже его власть и была ограничена Центральным комитетом коммунистической партии и влиянием некоторых выдающихся большевиков, — все же оставалось несомненным, что на его плечах лежала большая часть забот и трудов по управлению и контролю в советском государстве. Это, конечно, изменилось с тех пор как он уехал «лечиться» на Кавказ. Но когда-то и Кремль перед ним трепещал...

Троцкого с полным правом можно назвать «феноменом», ибо когда и где это было мыслимо, чтобы *еврею* удалось с успехом создать из ничего миллионную армию и стать во главе ее? Но Троцкий показал еще нечто большее: с неустанной энергией он привел свою армию в движение, сумел вымуштровать ее и повести за собой, не взирая на голод и всевозможные лишения, в бой, к решительной победе. Не он ли бок о бок с Лениным в трудные минуты умел сильной, твердой, часто жесткой рукой направлять уже казалось тонущий советский корабль в спасительную гавань? Троцкий, вне всякого сомнения, великий организатор большевистской революции.

Вряд ли существует еще один человек на свете, рабочий день которого был бы так разнообразен и так утомителен, как рабочий день Троцкого. Рядом с заботами о красной армии он обнаруживает лихорадочную деятельность в самых разнообразных областях: во внутренней политике и во внешней, в промышленности и торговле, в делах церкви, в борьбе с голодом, в горном деле, в авиации, в коммунистическом интернационале, в «мировой революции», в революционной пропаганде и т. д., и т. д. С беспримерной энергией он изучает каждый вопрос. Со сказочной быстротой он объезжает вдоль и поперек неизмеримые пространства России.

Но и в своей Московской штаб-квартире (где — между прочим — царит образцовый порядок и чистота) он никогда не знает покоя и вечно работает не покладая рук. В промежутке между сложными и нелегкими государственными делами Троцкий находит еще время выступать несколько раз в месяц с зажигательными речами перед рабочими и солдатами. Он даже успевает занимать-

ся литературой и работает над трудом «об изящной литературе Франции в XX столетии». Во время своих коротких часов отдыха на даче под Москвой, он оттуда диктует своему секретарю этот труд по телефону...

Троцкий читает ежедневно не только все советские газеты, чтение которых дает ему материал для различных резолюций и распоряжений, но следит также внимательно за русскими эмигрантскими изданиями и важнейшими органами мировой печати. В более свободные минуты он углубляется в творения Шпенглера, Эйнштейна, Каутского и других ученых. В то же время он диктует приказы по армии, статьи для газет, дипломатически ноты, письма и бесчисленное количество инструкций, отправляемых не только по всем углам России. Успешное преодоление этой ежедневной титанической работы дается Троцкому только благодаря свойственной ему сверхчеловеческой энергии...

В то время как Троцкий стоит на трибуне на Красной площади и изрекает слова, которые быть может найдут отголосок в отдаленнейших углах земного шара, из Кремля выходит маленькая, хорошенькая, кокетливая женщина. В черной дорожкой шубке и элегантной шляпе. Она хочет пройти на трибуны, часовые же ее не пропускают. Наконец ей на помощь приходит какой-то красный офицер и галантно провожает ее на место. Она усаживается поодаль от гранитной трибуны оратора. Скромная, почти смущенная. Эта женщина супруга вождя Красной армии Наталия Ивановна Троцкая.

Речь кончена. И вот начинается церемониальный марш. Двенадцать трубачей трубят поход. Десять оркестров одновременно играют Интернационал. Тридцать аэропланов кружатся над площадью. Все кричит «ура», машет шапками, хохочет и посреди всего этого гамма современности несмутимо раздается звон кремлевских курантов. Вот уже целые века каждый час наигрывают они ту же старинную русскую церковную мелодию и даже звуки Интернационала не могут заглушить их.

Солдаты, матросы, коммунисты, рабочие дефилируют перед нами. Невозможно разобрать, что они кричат. Невольно, однако, вспоминаешь о других массах, которые в разные времена и в разных странах срывались с своих мест. Иные кричали «nach Paris, nach Paris», — другие — «à Berlin, à Berlin!» Что кричат эти — я не понимаю. Понимаю только, что они рвутся куда-то вперед.

Удастся ли им дойти до той цели, к которой ведут их кремлевские «вожди»? Этого никто не знает... Пока что они продвигаются перед нами сплоченными рядами, медленно, упорно, с монотонными песнями, — вперед, — вперед, — вперед...

